

В зале для празднования юбилея все уже расселись за столами.

За исключением главного стола и двух ближайших к нему, остальные столы были заняты знакомыми, и особых церемоний никто не соблюдал: все рассаживались по дружеским группам.

Цю Хэнянь и Цин Янь заняли места в большой комнате, прилегающей к залу, где за одним столом с ними оказались тетя Ли и семья Лю Фа. Жена Лю Фа, обернувшись к залу, увидела, как Лю Юфу и Чжан Цзюй ищут себе места. Она тихонько пнула мужа под столом ногой. Тот сразу всё понял, оглянулся, чтобы уточнить ситуацию, и поспешно поднялся. Он пригласил Лю Юфу и Чжан Цзюя присоединиться к их столу.

Чжан Цзюй, однако, осталась недовольна этим поворотом. Она ворчала:

— В зале теплее, зачем ты нас сюда потащил?

Эти слова только сильнее разозлили жену Лю Фа, которая, едва сдерживая гнев, прошипела:

— В зале сидят только родственники главы деревни. Вам туда зачем лезть?

Чжан Цзюй недовольно указала в сторону нескольких деревенских старейшин, сидящих в зале:

— Они же там, чем мы хуже? Почему нам нельзя?

Жена Лю Фа едва не задохнулась от возмущения, а Лю Юфу шумно хлопнул Чжан Цзюй по руке и строго сказал:

— Блюда одинаковые и там, и здесь. Ты ничего не потеряешь!

Только тогда Чжан Цзюй успокоилась и села на место.

Убедившись, что все расселись, жена Лю Фа понизила голос и спросила:

— Вы зачем сюда пришли?

Чжан Цзюй ответила:

— Каждый день дома сидим, совсем закисло уже.

Жена Лю Фа глубоко вздохнула, чтобы не сорваться:

— Вы что, с пустыми руками? Я что-то не видела, чтобы вы подарили подарок.

Чжан Цзюй рассмеялась:

— Вы ведь уже подарили! Мы же одна семья, зачем дарить два раза?

За столом все присутствующие молча наблюдали за разговором. Среди них были и Лю Цай с Ци Инлань. Жена Лю Фа, понимая, что продолжать спор при всех было бесполезно, лишь бессильно сжала губы и отвернулась от них.

Однако через какое-то время она заметила, что за столом не хватает одного человека. Её взгляд снова стал блуждать по залу, пока, наконец, она не обнаружила Лю Сяна, который оживлённо болтал с молодым человеком по имени Ян Хуай. Лю Сян наклонился к его столу, опираясь локтями на поверхность, и явно был в приподнятом настроении.

Но Ян Хуай выглядел иначе. На его лице играла вежливая улыбка, однако глаза выдавали скуку и раздражение. К тому же он вёл себя странно: его взгляд время от времени задерживался на их столе, и в уголках губ мелькал лёгкий оттенок ирриности.

Но жена Лю Фа настолько злилась на Лю Сяна, что перед глазами уже темнело. У неё не осталось сил выяснять, на кого именно так смотрел Ян Хуай.

□□.....

После завершения застолья большинство гостей попрощались и разошлись.

Цин Янь и Цю Хэнянь не ушли, остались помогать с уборкой. Цю Хэняня вызвали сверять список подарков, а Цин Янь остался в пристройке, моя посуду — тарелки, чашки, палочки, многие из которых были одолжены у соседей. Мужчины позже должны были погрузить всё это вместе со столами и стульями на телеги, чтобы развезти по домам.

Когда большая часть работы была сделана, супруг старосты пригласил всех в дом отдохнуть, попить чаю, съесть конфеты и семечки. Цин Янь попросил их идти без него, сказав, что закончит оставшиеся дела.

Через некоторое время в дверях пристройки появилась фигура. Человек стоял спиной к свету, и его длинная тень протянулась по полу, заканчиваясь в воде, где Цин Янь мыл посуду. Руки Цин Яня, погруженные в воду, невольно сжались в кулаки. Неясное чувство тревоги охватило его.

И предчувствие его не обмануло — тень зашевелилась, удлинилась и замерла на стене перед ним. Ян Хуай с бумажным веером в руке подошел к нему сбоку. Его взгляд был направлен вниз, на одежду Цин Яня. С легкой насмешкой он спросил:

— Ты специально надел новый халат?

Цин Янь не взглянул на него, стиснул зубы и молчал. Он знал, что Ян Хуай его неправильно понял, но ни одной фразы не хотел ему говорить. Одно слово — и этот человек не оставит его в покое.

Ян Хуай хмыкнул, его взгляд скользнул к рукам Цин Яня в воде, к обнажённой коже предплечья под закатанными рукавами. Он не смог отвести глаз и вдруг тихо пробормотал:

— «Румяные ручки, янтарное вино...»*

(ПП: Стихи Лу Ю «Цы» в эпоху Южной Сун)

Не договорив стих, он нагло протянул свой бумажный веер, кончиком которого прикоснулся к обнажённому предплечью Цин Яня, и даже повёл веером выше. Хотя это был всего лишь веер, жест был крайне бесцеремонным.

Цин Янь молниеносно схватил таз с водой и, развернувшись, вылил содержимое на Ян Хуая. Ян Хуай почувствовал неладное, когда Цин Янь поднял руку. Он успел отскочить в сторону, но капли грязной воды всё же попали на его чистые мягкие сапоги.

Посмотрев вниз, он, однако, не разозлился и не стал выказывать недовольство. Напротив, Ян Хуай, улыбаясь, сложил веер, слегка поклонился и вежливо сказал:

— Это была моя дерзость. Надеюсь, ты сможешь простить меня, брат Цин Янь.

Цин Янь сжал кулаки, его взгляд метнул молнии, но Ян Хуай лишь снова улыбнулся, ещё раз поклонился и неторопливо вышел из комнаты, не торопясь и как будто наслаждаясь ситуацией.

Цин Янь наблюдал, как его силуэт исчезает за дверью, и только тогда ощутил облегчение.

На коже предплечья всё ещё оставалось ощущение от прикосновения веера — словно змея ползла по руке. Он поспешно зачерпнул ковшик воды из таза и начал яростно промывать эту часть руки, пока наконец не почувствовал себя лучше.

В этот момент в комнату снова заглянул супруг старосты. Немного смущённо он сказал:

— Цин Янь, ты целый день трудишься. Хватит, отдохни, пойдёшь к нам.

Цин Янь вытер руки и с улыбкой ответил:

— Всё закончил, осталось только погрузить на телегу.

Супруг старосты, кивнув, повёл его в большую комнату. На выходе из пристройки он остановился, огляделся и спросил:

— Эй, а где твой далан? Говорил, что пойдёт тебя звать, а что-то я его не видел.

Цин Янь на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки:

— Наверное, кто-то попросил его помочь.

Супруг старосты рассмеялся:

— У вас в семье всё ладно и спорится, поэтому и живёте лучше всех в деревне!

С улыбками они зашли в большую комнату. Все, кто работал до этого, уже сидели на кане, болтали и щёлкали семечки. Цин Янь нашёл себе место и присел.

Но даже когда большинство людей разошлись, Цю Хэнянь так и не вернулся. Цин Янь понял, что пора уходить. Он попрощался с хозяевами, пожелал несколько тёплых слов и направился к выходу. Едва он вышел за ворота, как заметил знакомую повозку, стоящую у дороги.

Цин Янь нахмурился. Ян Хуай уехал уже около часа назад. Почему же его повозка вернулась?

Пока он ломал голову над этим, из повозки выпрыгнул встревоженный слуга и, спотыкаясь, побежал к дому, громко выкрикивая:

— Беда! Беда! Наш господин Ян пострадал от разбойников!

Цин Янь замер, а староста с супругом выбежали из дома навстречу слуге. Цин Янь ускорил шаг, чтобы скорее покинуть это место. Позади него раздавались крики и шум. Голос Ян Хуая, жалобно охавшего от боли, был слышен даже на улице.

Староста, явно рассерженный, воскликнул:

— Кто это сделал?!

Слуга, заикаясь, ответил:

— Я... я не знаю! Мы только выехали из деревни на главную дорогу, как из леса выскочил

какой-то человек с закрытым лицом. Лошадь испугалась, взвилась на дыбы и сбросила господина из повозки. Лошадь понеслась дальше, и мне стоило огромных усилий, чтобы её остановить. Когда я вернулся за господином, он уже был в таком виде...

Староста повернулся к Ян Хуаю:

— Хуай, ты видел, как выглядел этот человек?

Ян Хуай, страдающий от боли, едва выдавил из себя:

— Не... не видел...

Цин Янь, не удержавшись от любопытства, обернулся. Он увидел, как староста и слуга помогают выбраться из повозки человеку в изорванной в клочья одежде. Роскошный шелковый халат Ян Хуая был покрыт грязью и пятнами. На его ногах остался только один сапог из тонкой кожи, другой куда-то пропал, и он стоял в грязных носках, которые почернели до неузнаваемости.

Староста слегка потянул Ян Хуая за руку, чтобы поддержать, и тот тут же застонал, сжимаясь от боли. Его лицо, всё в синяках и ссадинах, выглядело так, что узнать его было непросто. В одной руке Ян Хуай держал какой-то предмет. Сначала Цин Янь подумал, что это пропавший сапог. Но, приглядевшись, он понял, что это изорванный, растоптанный и совсем испорченный бумажный веер.

Цин Янь вздрогнул, почувствовав странное волнение, и поспешно свернул за угол, выбрав более длинный путь домой, чтобы избежать ненужных встреч.

Когда он добрался до дома, калитка была заперта, и никто ещё не вернулся. Цин Янь открыл дверь ключом, прошёл через двор, не обращая внимания на маленьких цыплят, которые громко запищали, требуя еды, и зашёл в дом.

Закрыв дверь пристройки, он услышал лёгкие шаги. Небольшая полосатая кошка подбежала к нему, терлась о ноги, а затем отступила на несколько шагов, приготовилась и прыгнула прямо ему на руки. Цин Янь аккуратно подхватил её, прижал к себе, положив пушистую головку на плечо, и начал мягко покачивать. Спиной прислонившись к двери, он задумался, ощущая смешанные чувства: страх, смущение и какое-то необъяснимое облегчение.

Через минуту он вдруг рассмеялся — тихо, но искренне, нарушив тишину дома.

Цю Хэнянь вернулся только через полчаса. На вопрос Цин Яня о том, почему он не пошёл домой вместе с ним, тот ответил, что пришлось заскочить в кузницу по делам. Цин Янь, стоя за

его спиной, незаметно разглядывал мужа, но, когда Цю Хэнянь обернулся, быстро отвёл взгляд.

На ужин Цин Янь приготовил большие паровые булочки с начинкой из картофеля и свинины, кашу и два блюда. Картошку он нарезал полосками и смешал с мясом, приправив специями, включая тмин, чтобы привкус напоминал баранину. После приготовления из булочек сочился аппетитный ароматный сок, который немного пропитал нежное тесто.

Цин Янь взял одну булочку, разломил ее пополам и показал Цю Хэняню:

— Ты тогда хотел булочки с бараниной и картошкой, но из-за лекарств не мог их есть. Теперь я сделал со свининой и добавил тмин — чтобы было похоже. Немного утолю твоё желание.

Цю Хэнянь взял булочку, откусил и кивнул:

— Очень вкусно.

Цин Янь заметил, что суставы на его руке слегка покраснели и опухли. Почувствовав лёгкую тревогу, он положил в его чашку несколько дополнительных кусочков из блюд. Цю Хэнянь посмотрел на свою гору еды, улыбнулся и сказал с лёгкой усталостью:

— Цин Янь, если ты положишь ещё, всё начнёт вываливаться.

Цин Янь посмотрел на чашку, понял, что её содержимое действительно уже опасно близко к краю, и расхохотался.

Цю Хэнянь тоже улыбнулся. В этот момент Цин Янь внезапно поднялся, обошёл стол, уселся к нему на колени и, обвив шею мужа руками, тихо прошептал ему на ухо:

— Я так тебя люблю.